

Глава I. Деятельность большевиков и анархистов накануне Октября

Деятельность партии большевиков накануне Октябрьской Революции представляется достаточно типичной (в свете того, о чем говорилось в предыдущей части книги).

Необходимо напомнить, что идеология Ленина и позиция партии большевиков после 1900 года претерпела значительные изменения. Понимая, что трудящиеся массы, начав Революцию, пойдут очень далеко и не остановятся на буржуазной ее стадии — особенно в стране, где буржуазия как класс не играла заметной роли, — Ленин и его партия, стремясь упредить массы, чтобы возглавить их и повести за собой, выработали чрезвычайно передовую революционную программу. Теперь они выступали за *социалистическую* революцию. Они сформулировали почти *либертарную* концепцию революции, выдвинули едва ли не *анархические* лозунги, за исключением, разумеется, основных программных пунктов: взятия власти и сохранения государства.

Когда я читал работы Ленина, особенно написанные после 1914 года, я отмечал большое сходство его идей с анархическими, за исключением того, что касалось Государства и Власти. Эта близость в оценках, понимании и предвидении событий уже тогда казалась мне достаточно опасной для *подлинного* дела Революции. Ибо — в этом я не ошибался — в устах большевиков, в их действиях все эти прекрасные идеи были мертвы, не имели будущего. Замечательным идеям, изложенным в их статьях и речах, не суждено воплотиться в жизнь, ибо *действия*, которые за ними последуют, не будут, разумеется, иметь с теориями ничего общего. Таким образом, я пребывал в уверенности, что, с одной стороны, ввиду слабости анархизма народные массы слепо последуют за большевиками, а с другой, последние неизбежно обманут их и толкнут на гибельный путь. Ибо практика государства неизбежно извратит провозглашенные принципы.

Так и произошло.

Чтобы произвести впечатление на народные массы, завоевать их доверие и поддержку, партия большевиков, задействовав весь свой мощный агитационный и пропагандистский аппарат, бросила лозунги, которые до той поры были характерны именно для анархизма:

Да здравствует Социальная Революция!

Долой войну! Да здравствует немедленное заключение мира!

И главное:

Земля крестьянам! Фабрики рабочим!

Трудящиеся массы быстро подхватили эти лозунги, в полной мере отражавшие их подлинные чаяния.

Но в устах анархистов эти призывы были искрени и имели конкретный смысл, потому что соответствовали либертарным принципам и неразрывно связанной с ними деятельности. В то время как для большевиков те же лозунги на практике означали совершенно иное, отнюдь не то, что формально провозглашалось. Они оставались «словами», не более того.

Под «социальной Революцией» анархисты понимали подлинно *социальный акт*: общественное преобразование, не скованное политическими и государственными рамками, отбрасывающее пережитки отжившего общественного устройства — правительство и власть.

Большевики же утверждали, что Социальная Революция невозможна без всемогущего государства, всеильного правительства, диктаторской власти.

Поскольку революция не положила конец государству, правительству и политике, анархисты считали ее не Социальной, а просто политической (в которой, однако, могут присутствовать те или иные социальные элементы.)

Но «коммунистам» было достаточно взятия власти, организации «своего» правительства и государства, чтобы говорить о Социальной Революции.

По мысли анархистов «Социальная Революция» означала: *уничтожение государства и одновременно капитализма* и возникновение общественного устройства, в основе которого лежит иная социальная организация.

Для большевиков «Социальная Революция» значила, напротив, *восстановление* на обломках буржуазного режима *нового сильного государства*, призванного «строить социализм».

Анархисты считали невозможным установление социализма государственным путем.

Большевики утверждали, что без государства при этом обойтись нельзя.

Отличие, как мы видим, фундаментальное.

(Помню расклеенные по стенам во время октябрьской Революции огромные плакаты, возвещавшие о выступлении Троцкого по вопросу *Организации Власти*. «Типичная и роковая ошибка, — говорил я товарищам, — ибо если речь идет о Социальной Революции, нужно заниматься организацией *Революции*, а не организацией *Власти*».)

Призыв к *немедленному заключению мира* также понимался по-разному.

Анархисты подразумевали под этим *прямое действие* вооруженного народа, без участия правителей, политиков и генералов. По их мнению, народные массы должны покинуть фронт и возвратиться домой, заявив таким образом всему миру о своем отказе воевать за интересы капиталистов, о своем отвращении к чудовищной бойне. Анархисты полагали, что именно такие действия — честные и решительные — могли бы вызвать горячий отклик у солдат других воюющих стран и привести в итоге к окончанию войны и возможному перерастанию ее в мировую революцию. Они думали, что можно также в случае необходимости завлечь врага на просторы огромной страны, оторвать его тем самым от тылов, рассеять и лишить возможности сражаться.

Большевики опасались такого прямого действия. Будучи политиками и государственниками, они мечтали о заключении мира политическим и дипломатическим путем в результате переговоров с немецкими генералами и «полномочными представителями».

Земля крестьянам! Фабрики рабочим! Анархисты понимали под этим передачу земли всем, кто хочет ее обрабатывать (без права собственности и эксплуатации наемного труда), их объединениям и федерациям. Точно также заводы, фабрики, шахты, станки и т. д. должны перейти в распоряжение всех объединений и федераций рабочих-производителей. Способ этой передачи предстоит определить *самим* объединениям и федерациям по свободному согласию.

Большевики же понимали под этим лозунгом огосударствление. По их мнению, земля, заводы, фабрики, шахты, станки, транспортные средства и т. д. должны стать *собственностью государства*, которое передаст их в пользование трудящимся.

Еще одно фундаментальное различие.

Что касается самих трудящихся масс, они интуитивно понимали эти лозунги скорее в либертарном смысле. Но, как мы уже говорили, голос анархистов был столь слаб, что не доходил до широких масс. Народу казалось, что *лишь большевики* осмеливались провозглашать и отстаивать эти прекрасные и справедливые принципы. Тем более, что партия большевиков на каждом углу кричала, что она — *единственная партия*, борющаяся за интересы рабочих и крестьян; единственная, которая, *придя к власти*, сможет осуществить Социальную Революцию. «*Рабочие и крестьяне! Только партия большевиков отстаивает ваши интересы! Никакая другая партия не сможет привести вас к победе. Рабочие и крестьяне! Партия большевиков — ваша партия, единственная подлинная рабоче-крестьянская партия. Помогите ей взять власть, и вы победите*», — изо дня в день исступленно твердила большевистская пропаганда. Даже партия левых эсеров — политическая партия, располагавшая гораздо большими силами, чем анархисты — не могла соперничать с большевиками. Однако она была достаточно сильна, так что большевикам приходилось считаться с ней и даже временно предоставить ее членам несколько мест в правительстве.

Представляет, наконец, интерес сравнение позиций большевиков и анархистов накануне октябрьской Революции *по вопросу о рабочих Советах*.

Партия большевиков рассчитывала, что Революция произойдет в результате одновременного восстания Советов, которые потребуют «всей власти» для себя, и армии, которая поддержит их действия (разумеется, под непосредственным и эффективным руководством партии). Рабочим массам следовало решительно поддержать этот акт. Таким образом, большевики выдвинули основной лозунг Революции «Вся власть Советам!» в полном соответствии со своими воззрениями и «тактикой».

Что касается анархистов, этот лозунг вызывал у них подозрения, и не без основания; они прекрасно знали, что такая формулировка ничуть не соответствует истинным замыслам партии. Они понимали, что в конечном итоге партия *стремится к крайне централизованной политической власти для себя* (то есть для своего ЦК и, в первую очередь, для ее вождя Ленина, который, как известно, руководил всей подготовкой захвата власти, и его сподвижника Троцкого.)

«Вся власть Советам!» — по мнению анархистов, этот лозунг являлся по сути своей всего лишь пустыми словами, призванными прикрыть все что угодно. Кроме того, это была лживая, лицемерная, обманчивая формулировка. «Ибо, — говорили анархисты, — если «власть» должна реально принадлежать *Советам*, то причем здесь *партия*; если *она* должна принадлежать *партии*, как предполагают большевики, то причем здесь *Советы*». Вот почему анархисты, допуская, что Советы могут выполнять некоторые функции в процессе создания нового общественного устройства, не соглашались безоговорочно с этой формулировкой. В их понимании слово «*власть*» делало ее двусмысленной, подозрительной, нелогичной и демагогической. Они знали, что по своей природе политическая власть реально осуществляется лишь очень ограниченной группой, центром. Таким образом власть — *подлинная власть* — не смогла бы принадлежать Советам. На самом деле она находилась бы в руках партии. Но тогда какой смысл имел лозунг «Вся власть Советам»?

Вот как анархо-синдикалисты излагали свои сомнения и мысли на этот счет («Голос Труда», еженедельная петроградская анархо-синдикалистская газета, № 11 от 20 октября 1917 г., редакционная статья «Конец ли это?»):

«Возможный переход «всей власти» (правильнее — «захват» политической власти) в руки «Советов» — *конец ли это? Все ли это?* Завершит ли этот акт разрушительную работу революции и откроет ли он двери к великому социальному строительству, к дальнейшему творческому разбегу ее?

Победа «Советов», если она станет фактом, и дальнейшая новая «организация власти» — будут ли действительно победой *труда*, победой *трудовой организации*, началом социалистического переустройства? *Эта победа и эта новая «власть»* — выведут ли они революцию из тупика? Бросят ли они революции, массам, человечеству новые *творческие* горизонты и откроют ли революции они *истинные* пути к созидательной работе, к разрешению и улажению всех жгучих вопросов, нужд и интересов эпохи?

Все зависит от того, какое содержание вложат победители в лозунг «власти», в понятие «организация власти»; от того, как в дальнейшем будет использована победа теми силами, в руках которых окажется, на другой день после победы, эта так называемая «власть».

Если под словом «власть» понимать переход в руки рабочих и крестьянских организаций, поддерживаемых организациями военными, всей творческой работы и *организации жизни всюду на местах* — работы, в процессе которой созданные на месте организации *естественно и свободно объединятся между собою*, приступят к новому общественно-хозяйственному творчеству и поведут революцию к новым горизонтам мира, экономического равенства и действительной свободы;

Если не подразумевать под лозунгом «власть Советам» организацию политически-властных центров на местах, подчиненных общему государственно-политическому властному центру — Совету Петрограда;

Если, наконец, — после победы — *политическая партия*, стремящаяся к господству и власти, отойдет в сторону и *действительно* уступит место свободной самоорганизации трудящихся; если «власть Советов» не явится на деле политически-государственной властью новой политической партии, — тогда и только тогда новый кризис сможет стать последним кризисом, началом новой эры.

Но если под «властью» разумеать организацию сильных партийно-политических центров, руководимых властным государственно-политическим центром в Петрограде; если «переход власти в руки Советов» будет на деле означать захват политической власти в руки новой политической партии с целью сверху, «из центра» перестроить при помощи этой власти общественно-хозяйственную и трудовую жизнь населения и разрешить все сложные вопросы эпохи и момента, — то этот этап революции отнюдь еще не будет окончательным.

Для нас не подлежит никакому сомнению, что и эта «новая власть» ни в каком случае не сумеет не только приступить к «социалистическому переустройству», но даже удовлетворить ближайшие нужды, потребности и запросы населения.

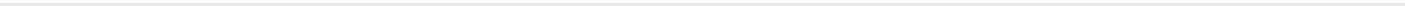
Мы не сомневаемся, что в этом, втором случае массам предстоит очень быстро разочароваться в «новом идеале» и обратиться к иным путям, отбросив и новых богов...

Тогда, после некоторого, более или менее продолжительного перерыва борьба неминуемо возобновится. Начнется *третий* и на сей раз *последний этап Русской Революции* — Этап, которые сделает ее поистине Великой Революцией; начнется борьба между живыми силами, выдвигаемыми творческим порывом народных масс *на местах*, то есть между *непосредственно и самостоятельно действующими на местах рабочими и крестьянскими организациями, переходящими к прямой экспроприации земли и всех средств потребления, производства и передвижения*, — организациями, приступающими, таким образом, к созиданию своей истинно новой жизни, с одной стороны, и — отстаивающей свое существование централистской социал-демократической властью, с другой стороны. Борьба между властью и безвластием. Борьба между двумя издревле ведущими спор социальными идеями: марксистской и анархической.

И лишь полная *исчерпывающая победа анархической идеи* — идеи безвластия и естественной, свободной самоорганизации масс — будет означать истинную победу Великой Революции.

Мы не верим в возможность истинного завершения социальной революции «политическим» путем, при котором дело переустройства и разрешения сложнейших, колоссальнейших и разнообразнейших задач нашего времени начнется с *политического акта*, с захвата власти, начиная сверху, из центра...

Поживем — увидим...»

Версия #1

██████████ ██████████ создал 5 апреля 2025 20:14:01
██████████ ██████████ обновил 5 апреля 2025 20:14:26